

К

огда она умерла, оказалось, что в сумочке, с которой она не расставалась, лежала записка Таирова.

Алфавит - 2002. март - с. 16-17

Мы продолжаем публикацию воспоминаний старейшего русского актёра, начатую в №49 "Алфавита". На сей раз Бахтаров вспоминает о последних днях выдающегося режиссёра, создателя знаменитого Камерного театра Александра Яковлевича Таирова.

Георгий Бахтаров

В 1949 ГОДУ СТРАНА СТАЛА ОПРАВЛЯТЬСЯ от недавней войны, наш паровоз по-прежнему бежал вперёд, но покой нам только снился. Началась новая волна репрессий. В "Правде" появилась известная статья "Сумбур вместо музыки". Потом настала очередь театров.

Таиров уже был на примете. Несколько лет до того он поставил комическую оперу Бородина "Богатыри". Это была весёлая и смешная сказка о глупых, ленивых и трусливых псевдобогатырях Авоське и Небоське, Чудиле и Купиле, выдающих себя за подлинных богатырей. Текст В. Крылова, который очень нравился Таирову своей старомодной наивностью, по предложению П. Керженцева отдал в переделку Демьяну Бедному, но Бедный к тому времени попал в немилость к Сталину. Так наивному, непритязательному спектаклю суждено было сыграть печальную роль в жизни театра. После нескольких представлений "Богатыри", несмотря на очевидный успех у зрителей, подверглись резкой критике и с треском были вычеркнуты из репертуара. В них усмотрели издевательство над русской деревней.

Началась травля. В печати одна за другой буквально каждый день появлялись статьи Керженцева, Храпченко и прочих борзописцев. Они гнобили театр за увлечение западным репертуаром. Эту кампанию называли тогда "сеча при Керженце". И в 1950 году Александра Таирова освободили от должности художественного руководителя Камерного театра. Что говорилось на сборе труппы, сколько помоев было вылито на голову бедного Александра Яковлевича, трудно себе представить. Нет, Таирова и Коонен не выбросили на улицу. Всё было в высшей степени "гуманно". Их перевели в Театр им. Вахтангова. Встретили их там очень ласково, вели разговоры о постановке "Макбета", потом о "Марии Стюарт". Но больше ничего не происходило. По сути, это было откровенным издевательством. Таирову ничего не давали ставить, а Коонен – играть. Так продолжалось около года. Наконец, они получили персональную пенсию и тут же подали заявление об уходе.

Таиров искал какой-нибудь молодой коллектив, где он мог бы поста-

КАЗНЬ



Александр Таиров.

вить пьесу испанского драматурга Санчеса, а главную роль старой испанки сыграла бы Коонен. Я в это время работал в театре ЦДКЖ* под руководством Марии Осиповны Кнебель. И вот как-то в разговоре с Таировым директор ЦДРИ** Борис Михайлович Филиппов посоветовал ему связаться с нашим театром. Мария Осиповна собрала художественный совет и рассказала о предложении Таирова. Конечно же, все согласилось. Я в то время был ещё и завитом театра, поэтому мне поручили связаться с Таировым. Работы наши он не видел, но с интересом выслушал мой рассказ о них. Потом спросил, какие спектакли

*ЦДКЖ – Центральный дом культуры железнодорожников.

**ЦДРИ – Центральный дом работников искусств.

Камерного театра запомнились мне. В ответ я стал сыпать названиями. Я видел там все: "Жирофле-Жирофля", "Любовь под вязами", "Федра", "Госпожа Бовари", "Оптимистическая трагедия" и, конечно, мой любимый спектакль "Адриенна Лекуврер" – я смотрел его раз пять. Когда я выпалил все это, наступила пауза. Потом Алиса Георгиевна тихо спросила: "Вы видели мой последний спектакль?" Я ответил, что там я испытал настоящее потрясение, доходящее, как и у всех сидящих в зале, до экстаза. Таиров поинтересовался, знаю ли я, как они прожили этот страшный год в Вахтанговском театре. "Вы слышали об инквизиции? Так вот, это была моральная инквизиция!" – и по его щекам потекли слёзы. Он рыдал и сквозь рыдания слышалось: "За что? За что? Что я сделал?".

Он не был диссидентом, не пытался противопоставить себя власти, не страдал и манией величия. Но был талантлив и независим, – а серость этого не прощает

Наблюдать всё это было чрезвычайно тяжело, я сам едва сдерживал слёзы. Расстались мы дружески, Александр Яковлевич извинился за то, что у него сдали нервы, и просил никому не рассказывать об этом инциденте. Я сдержал слово, и до сих пор никому не говорил о пережитой сцене.

Через пару дней, как мы и договаривались, я позвонил, но Таиров сказал, что он себя неважно чувствует и уезжает в санаторий в Боржоми, а как только приедет, первый звонок будет мне. "Я уверен, что у нас всё получится", – заверил он меня. Больше нам встретиться не удалось.

ТАИРОВ ВЕРНУЛСЯ СОВЕРШЕННО больным. У него началось психическое расстройство. Общаться с ним было уже невозможно. Совсем не мог ходить по Тверскому бульвару, где как ни в чем не бывало стоял его театр, обходил его переулками. Вскоре его поместили в Соловьёвскую психиатрическую больницу, а через некоторое время выяснилось, что у него рак мозга. Врач, который присутствовал при его агонии, рассказывал мне, что перед смертью он повторял только имя жены – Алиса.

Так закончил свои дни один из самых блистательных режиссёров нашей страны. Я хочу напомнить слова Михаила Чехова, который сказал в своей книге "Путь актёра", что в России было очень много талантливых режиссёров, но великих только пять – Станиславский, Немирович-Данченко, Вахтангов, Мейерхольд и Таиров. Трое из них умерли своей смертью, а двое – погублены.

Стал уже легендой рассказ о том, что Алиса Коонен прокляла театр, созданный на костях Камерного. Было ли так на самом деле, сказать трудно, но вот факты. Николай Чаплыгин, партнёр Алисы Коонен, игравший у Таирова ведущие роли, на том собрании пакостил и говорил мерзости больше других. Конечно, именно его и назначили директором театра. А вскоре после этого он уехал в командировку и разбился в авиакатастрофе. После Таирова художественное руководство театром, который стал носить имя А.С. Пушкина, принял актёр Василий Ванин. Он успел поставить только один спектакль – "Свадьбу Кречинско-



го". Успеха постановка не имела, а Ва-нин неожиданно через два месяца умер. Актёр Михаил Названов, сыгравший главную роль в этом спектакле, был одним из инициаторов разгрома театра и тоже – волею случая? – умер через некоторое время в самом расцвете сил.

Таиров умер в сентябре 1950 года. Алиса Георгиевна прожила в одиночестве более двадцати лет. Не сразу и во многом благодаря поддержке Александры Александровны Яблочкиной, бывшей в то время директором Дома актёра, Коонен вновь начала выступать в концертах. В 1970 году в Центральном доме актёра отметили 80-летие великой актрисы. Его завсегдатаи не могли упомнить такого наплыва публики. Когда Алиса Георгиевна в длинном чёрном, расшитом золотом платье, с невероятно красивым веером из белых страусиных перьев вышла на авансцену, зал в единодушном порыве встал и устроил ей восторженную овацию. Надо сказать, что веер этот принадлежал великой Ермоловой, которая завещала передать его той, кого сочтут лучшей актрисой русской сцены, и Яблочкина выполнила этот завет.

Вскоре после юбилея я встретил Алису Георгиевну около Елисеевского магазина. Она была очень скромно одета, в стоптанных ботиночках. Уже не та королева Алиса, которую одевали лучшие портнихи Москвы, а согнутая старушка с потёртой сумочкой, которую она очень цепко держала в руках. Когда она умерла, то оказалось, что в старенькой сумочке, с которой она не расставалась, лежала записка Таирова. В ней было написано: *"Алиса, любимая, всё-таки, вопреки всему, в добрый час! В наш 35-й сезон. Нашей жизни и работы. Обнимаю. Верю. Верь и ты. Твой А.Т."*

Эту записку Коонен просила положить с собой в гроб.

Записала Елена Владимировна



Архив

Алиса Коонен.